

Как Яна в партию принимали

У меня в отряде есть друг и хороший приятель – Ян Волынский, человек, которого я люблю, и в то же время он мог бы быть моим врагом со всеми его выкрутасами; человек – деятельный бездельник и в то же время – бездеятельный деятель. Как я познакомился с Яном? Я приехал сюда в Мостоотряд – 95-й в 1982 году, отработав уже больше десяти лет на Севере. Будучи главным инженером два года в 87-м мостоотряде, имел опыт северной жиз-

ни уже немалый и считал себя опытным северянином и корифеем. Приехал в мостоотряд и думал: что, мол этот мостоотрядишко – он уже организован, специалисты, как мне сказали, имеются, и с моим теперь опытом будет работать легко. Но, с другой стороны, я видел, что отряд собран с миру по нитке, потребуются еще организовывать коллектив. Но я все равно надеялся, что справлюсь легко – корифей все же, да и молод был, на все смотрел свысока.

Начальник отряда Севостьянов Филипп Кузьмич, работавший долго без главного инженера, до того задолбался, что увидев меня, обрадовался несказанно. Несмотря на субботу, он схватил меня, провез по всем близлежащим производственным объектам, а в воскресенье, наспех схватив билет на самолет, на ходу сказал:

– Вот там контора, вот там мосты, в той стороне такие, в той – такие, – пожал руку, – Все Николай Александрович, хозяйничай! – и укатил на два месяца.

Народ в отряде разношерстный: половина кубанцы, половина украинцы, специалистов добрых, конечно, не было. Так – мастера, пару человек только закончили институты.

Я был человеком беспартийным убежденным, но меня, хоть и не положено было в то время, почему-то держали на должности.

Руководителей в те времена всегда приглашали на партийные собрания. И вот прошло три-четыре дня, я еще толком-то и не познакомился с людьми, меня приглашают на очередное партийное собрание. У меня был отрицательный опыт и свое предубеждение к этим собраниям: когда-то на партийном собрании меня лишили заслуженного ордена, уволили с работы, так, что я уже знал, что там такое на этих собраниях: они обычно чих-востили какого-то бедолагу прораба, потом все расходились, а бюро оставалось, чтобы наметить, кого и за что они будут дрючить на следующем собрании. Так что я образцово пришел. Татьяна Владимировна – наш диспетчер, обаятельная женщина, служака, именно служака, неосвобожденный партийный секретарь. Ей четыре часа за это доплачивали – партия так приказала. Она насквозь была идеологизирована. Идеологизация ее была такого сельского типа – ну, ей же нужно за жизнь держаться.

И вот она таким бодреньким голосом, открыв собрание, говорит:

– У нас сегодня на повестке дня прием в кандидаты коммунистической партии Советского Союза Яна Аполлоновича Волинского.

Встает такой громила, моложе меня на вид, симпатичный мужик под два метра ростом, выходит к трибуне, читает свое заявление, и секретарь вопрошает в зал:

– Ну, товарищи, какие будут вопросы?

Кто-то крикнул:

– Пусть свою биографию, что ли, расскажет.

И Ян начинает говорить. Родился, дескать, в Новоградволинском, отец участвовал в сопротивлении, до сих пор участвует в разных комитетах, сидел с Тельманом в одной тюрьме и был лично с ним знаком, на трех языках свободно разговаривает. Отец действительно такой – коммунист старой закалки, – уточнил Смехов.

Такой отец получился, минут пять про отца рассказывал, потом о себе: что и активный всегда был, и во всех общественных делах участвовал, и за сборную Украины по фут-

болу играл, и в сборную по баскетболу привлекался, и председателем профкома на заводе в пять тысяч рабочих был; общественник, туда-сюда, на севере четыре года отработал. Ну, просто ангел, а не человек. И я начинаю сгорать от стыда. Думаю: «Елки-палки, черт возьми, какого хрена я тут сижу, какого черта я со своим двенадцатилетним северным стажем задираю нос – тут такие люди! Если рядовые монтажники такую биографию имеют! И если тут монтажники таковы, то каковы остальные люди? Не убежать ли мне пока не поздно? Не бежать ли мне побыстрее от стыда, потому, что я не гош им, как руководитель». Так убедительно рассказывал свою биографию Ян. Ну, вот он закончил.

– Какие будут вопросы, – спросила Татьяна Владимировна.

Задали вопросы по уставу партии, о международном положении, в общем стандартные вопросы. Ян ответил, как умел, всех удовлетворили его ответы. И получалось: человек со всех сторон положительный – и активист, и спортсмен, и работник, хоть куда. Как не принять?

– Ну, что, товарищи, будем ставить вопрос на голосование. Кто за то, чтобы Яна Аполлоновича Волынского принять кандидатом в члены КПСС? Все дружно подняли руки.

– Все за? Против нет? Хорошо. Воздержавшиеся?.. Кукулюк, – обратилась ведущая к мужчине, не участвовавшему в голосовании. – Вы воздержались?

– Да.

– А почему?

– А у меня есть вопрос к Яну Аполлоновичу.

Кукулюк, как потом выяснилось, учился вместе с Яном в одном классе и знал, конечно, его лучше, чем я и другие присутствовавшие.

– Задавайте, задавайте. Мы здесь и собрались для того, чтобы вопросы задавать, – оживилась Татьяна Владимировна.

Он и спрашивает:

– Ян Аполлонович, а за что вы отсидели четыре года?

У ведущей собрание волосы дыбом:

– Ян Аполлонович, это правда? Почему вы это нам не сказали, – спросила Татьяна Владимировна.

– А я думал, это не важно.

– Как не важно? Ян Аполлонович, о какой партии может идти речь. Ну, расскажите хоть за что вы сидели и где.

Ян говорит:

– Да ни за что. Понимаете, пришел с армии, служил в спортроте, я же спортсменом был. Вот отпраздновали мы это дело, сходили с женой на танцы в парк, а у нас, знаете, в Карпатах темнеет рано. Идем домой: смотрю, трое одного бьют. Мне жена и говорит: Ян, ты же спортсмен – заборони. Ну, вырвал штaketину – заборонил, раскидал, они и убежали, а этот, которого заборонил – пьяный, лезет ко мне драться, ну я его легонько толкнул, он и упал. Мне бы так-то бы ничего не было, но он полковником милиции оказался.

– А что с ним случилось? – спросила Татьяна Владимировна.

– Да, пустяки: ключицу сломал, руку... ну, ногу, как-то так получилось... сотрясение мозга. Дали четыре года. На Севере отсидел.

О, думаю, вот и северный стаж появился у человека.

Принимать, вроде как, теперь Яна нельзя, но принять его Татьяна Владимировна аж страсть как хочет. Не знаю уж по каким причинам, но это видно.

– Ну, что, товарищи, что будем делать?

Ян:

– Да я... да это случайно... Я ж не знал... Это было давно... Я ж больше не буду...

– Ян Аполлонович, как же вы утаили? Партия все должна знать, вы пред ней, как перед матерью, как на духу...

Каялся, каялся Ян, туда-сюда: и в тюрьме он активистом был, и за тюрьму футбол играл, и общественником в тюрьме был, и досрочно освободили. По-новому пошел Ян окучивать.

– Ну, что, товарищи, делать будем?

Встает один активист, говорит:

– С каждым, может случиться. По молодости то было, давайте примем, в виде исключения.

И Татьяне-то Владимировне принять охота: разнарядка-то уже есть, да и видно, что симпатизирует она Яну.

– Что ж товарищи, предлагаю ставить на голосование.

Ян, смотрю, просветлел, улыбка на лице появилась, ожил.

– Да я больше не буду.

– Смотрите, чтоб пред партией, как на духу.

– Я все понял...

– Ну, что, товарищи, будем голосовать. Кто за? – народ дружно потянул руки. Кто против? Кто воздержался? ...Кукулюк, вы почему воздержались?

– Да, у меня вопрос к Яну Аполлоновичу.

– Задавайте, мы же сюда затем и пришли.

– Ян Аполлонович, а как Людмила Ивановна посмотрела на эти твои дела?

– Какая Людмила Ивановна?

– Как это какая – твоя жена. Заведующая детским садом.

– Да не было никакой Людмилы Ивановны, запротестовал Ян.

– Так ты ж говорил, что с женой шел, когда заборонял-то.

Ян говорит:

– Так то ж была не Людмила Ивановна. А моя первая жена.

У Татьяны Владимировны челюсть отвисла:

– Как, Ян Аполлонович, вы еще и двоеженец? Почему не говорили, что у вас вторая жена?

– Да я не знал... да я думал, что это не важно... – заметался Ян.

Народ загудел. Татьяна настроена уже не принимать.

– Нельзя вам в партию – тюрьма, две жены...

Смотрю, Ян заплакал. Здоровенный мужик плачет.

– Если вы меня не примете, а батька мой узнает – откажется от сына. Он у меня член антифашистского комитета, он вместе с Тельманом сидел... Если вы хотите, чтобы я застрелился, то так и скажите, и я пошел стреляться... – Ян плачет, просто рыдает.

Дело категоричное. Опять бодяга пошла: перед партией как перед матерью, как на духу...

Тут уже Татьяне Владимировне хочется подойти к делу не сухо по-партийному, а чисто по-человечески. По каким уж причинам, я не знаю.

Бодяга длится уже полтора часа. Народ уже устал.

– Примем, примем. С кем не бывает... по молодости.

Я смотрю на этот цирк, и смеяться хочется, и плакать, как Яну. Смеяться нельзя, а то и мне кирдык придет. Я уже раньше пострадал... Волнуется народ, вроде склоняются помиловать Яна.

– Ставлю на голосование. Кто за? Хорошо... Кто против?.. Кукулюк, вы снова воздержались?

– У меня вопрос есть.

– Так задавайте, – уже занервничала ведущая.

– Ян Аполлонович, а вы алименты сыну платите?

– Какие алименты? – испугался Ян.

– Сыну от первой жены.

Он говорит:

– Нет.

– Почему?

– Да, она сказала: ничего от тебя не надо, никаких алиментов, только уходи.

Снова конфуз – сын брошенный.

– Вы почему не сказали?

– Да я думал, что это не важно... я не знал...

И опять бодяга: от партии скрывать ничего нельзя... как пред матерью... как на духу. Ян снова в слезы: больше не буду... застрелюсь...

Народ устал, размяк, и склонен все же принять. Татьяне Владимировне тоже нужно принять человека – там не поймут. Разнарядка есть разнарядка.

– Ну, что товарищи будем ставить на голосование. Кукулюк, прежде, чем голосовать, скажите: у вас вопросы еще к Яну Аполлоновичу будут?

– Нет.

– Вы будете голосовать «за»?

– А все будут голосовать «за»?

Все проголосовали «за». Кукулюк тоже.

Ян вышел после собрания просветленный. Я подошел к Яну и спросил:

– За что же все-таки вас тогда посадили?

– А по пьяни отметелил одного мудака, а он полковником милиции оказался.

Потом мы стали с Яном друзьями.

Он – человек, наивностью берет своей и в то же время прямотой. Сейчас он работает начальником снабжения, а поставил я его на эту должность за героический подвиг. Разгружали щебень на станции. Все зашли в бытовку, а ему захотелось люки открывать. Взял он кувалдочку, а бугай он здоровенный, по люку стукнул, и ему люком руку прищемило. Ему бы руку отсекло, но ручка кувалды была железная, и она удержала огромный груз. Мужики сидят в бытовке, ничего не подозревая. Он же в таком состоянии, как-то с трудом рукой зацементированной поджался, а сила в нём невероятная – два баллона кислородных берет и идет в гору, как-то освободился значит, пришел в рукавицах, так мол и так, говорит, случилось. Вахта дежурная повезла его в больницу. Зашел в скорую помощь своими ногами, потом рукавицу снял с обезображенной руки, вытряхнул остатки косточек в ладонь здоровой руки, и потом, пока это все было свежее, ему как-то вживили. У него рука так и осталась немного увечной, он одну косточку по дороге потерял. Потом он разрабатывал руку целый год. Сделал себе какой-то аппарат по типу аппарата Илизарова. Теперь уже все зажило и почти незаметно. Я ему тогда сказал: «Ян, мне не нужен инвалидный случай на производстве, иди начальником снабжения». Я же видел, что он человек коммуникабельный, легко сходится с людьми. Вот он до сих пор и работает начальником снабжения.

Бог един

Как-то поехал я в Москву в командировку. Думаю, возьму Яна, все же веселее будет. Жить у меня там есть где – тетка москвичка. Идем по Арбату, он увидит что-нибудь, ну, к примеру, витрина яркая, заорет: «Вон, смотри!», махнет рукой, смотрю, кто-то уже падает. Рука-то у него, как шлагбаум. Я ему говорю: «Что ты так реагируешь, руками машешь? Если хочешь обратить внимание укажи кивком, посмотри налево, посмотри направо, дай знак... Нехорошо махать руками...» «Да я знаю», – и снова: «Николай, смотри!» Махнет рукой, и снова кто-то лежит на тротуаре.

В метро зайти с ним невозможно, вечно врывается, как с перепугу... Как ломанется, обязательно две женщины на полу окажутся. «Мужчина, вы чего?» – «Не нравится, в такси ездил!»

Говорю как-то:

– Ян, давай в храм зайдём, – я обычно захожу в храм, я и посты соблюдаю...

– Сходим, – согласился он.

Заходим в храм Христа Спасителя. Я ему объясняю в меру моих познаний, что и где находится: алтарь, что справа, что слева, святые, что да как, принцип построения храма, кто шапку снимает, кто не снимает, где за упокой, где за здоровье, ну все главное... Ну, походили мы по храму, я и говорю:

– Ну, ладно, надо свечки-то поставить, пусть помянут в молитвах, у меня отец умер...

– Там такса своя, десять рублей, что ли. Написал я на бумажке – Анна, Александра, помянул тетку свою... Ян и говорит:

– И я тоже.

Я ему говорю:

– Ян, тебе нельзя.
– Почему?
– Ты же католик, храм-то православный.
– А, все равно, вера одна – христианская.
– Вера-то одна, Бог-то один, только обряды разные. Ян, так нельзя делать, ты нане-
сешь только вред...
– Нет, – возразил он.
Берет бумажку у монашки, пишет: Бенедикт, Юзя, еще какие-то имена польские, по-
дает монашке, а она смотрит:
– Мужчина, а они крещеные?
А он говорит:
– Ага!
– А они православные, где они крестились?
– В церкви, с крестом.
– А чего это у них такие имена странные?
Ну, это же известно, когда человек крещен другим именем, как у меня Анжела – кре-
щеная как Анна, или есть и другие примеры. Вот он ее и убеждает. А она молодая, види-
мо, неопытная, спрашивает:
– Мужчина, а вы меня не обманываете?
– Не-е-ет! – протянул он и перекрестился.
У меня аж волосы дыбом встали. А монашка опять:
– Мужчина, – говорит она, – если вы меня обманываете, меня ведь отец Георгий с
работы выгонит.
– Я не обманываю...
Я уже не выдержал:
– Ян, ты что делаешь? Ты хоть понимаешь, что ты совершил преступление перед ду-
шами своих умерших родственников, что им из-за тебя в аду гореть, а эту неповинную
монашку с работы выгонят.
– Это все ерунда – Бог один, – и пошел к выходу.
Вот он, Ян, во всей своей красе.

Удачная командировка

Послал как-то Яна в командировку в Уфу. Наши партнеры что-то мудрить начали. А в то время, а дело было в приснопамятные девяностые годы, многие почему-то счи-
тали нормальным явлением обман. Нашему мостоотряду уфимцы задолжали двадцать
цистерн солярки. Дело нешуточное, учитывая, что тогда с деньгами было туго. Не оста-
навливать же работу из-за того, что нет топлива. Я уже сколько раз пытался утрясти все
по телефону, но очередные обещания оставались обещаниями.

– Ян, – говорю, – в командировку поедешь. – Соляру нужно отгрузить из Уфы.

– Что ж нужно, так нужно, – Ян всегда готов.

Уехал.

Сидит там неделю, другую.

– Как дела там, Ян?

– Все зашибись, – отвечает бодро. – Деньжат вышли.

Высылаю. Понимаю, что расходы в столичном городе немалые.

Звонит он исправно, каждый день да через день. Все больше денег просит.

– Кончились, – говорит.

Шлю, что ж делать.

Уже и месяц прошел.

– Как там дела, – спрашиваю, – когда соляру пригонят?

– Через пару дней отгрузят. Я, говорит, тут с директором познакомился, со снабженцем познакомился. Скоро уже.

– Ты и неделю назад пел ту же песню, и две недели...

– Не беспокойся, Николай Александрович, через пару дней отгрузят.

Прошло еще время. Уже полтора месяца сидит Ян в Уфе. Денег перевел немерено.

– Все, – говорю, – давай, обратю.

Я уже понял, что толку не будет.

Приезжает свеженький такой, бодренький, отдохнувший. Спрашиваю:

– Ну, как там дела?

– Зашибись, – следует стандартный ответ, – хорошо я там оттянулся, две девицы приласкал...

– Я спрашиваю: соляра когда будет?

– Какая соляра? – изумился по детски Ян.

Ян – охотник

Сколько уж раз зарекались не брать Яна на охоту. Пользы от него ноль – одни проблемы. Такое иногда учудит, что хоть стой, хоть падай. А не взять же опять – обиды не оберешься, да и что греха таить – скучно без него.

Говорю Яну:

– Поставь чучела на грязях, скоро утка полетит.

В этом месте грязи рано оттаивают. На озере еще лед, а этот залив уже оттаял.

– Щас, – и начинает всякой ерундой заниматься: то хворосту подкинет в затухающий костер... Никому костер не нужен: чай попили, обсушились... То рябчика насвистывает. Это на болоте-то, где до лесу – километр. Я патроны ему подбираю, собираю ружье: сам же ничего в этом не тямит.

– Поставь, – говорю, – чучела.

– Щас, – и снова за свое.

Потом, смотрю: берет лодку, чучела сложил на дно, толкнулся. Лодка не идет, в иле застревает.

– Иди пешком – тут глубина по колено да по щиколотки.

Сопит, но упирается веслом, не слушает. Уже полчаса упирается – пару метров одолел. Тут он как-то неловко толкнулся, весло застряло в трясине, потерял он равновесие, а оболтус он тяжеленный... Лодка переворачивается и накрывает его. Гляжу: шлюпка дном вверх, а Яна нет. Странно смотреть со стороны, как поднимается лодка и этот оболтус, подняв ее над головой, легко несет на берег. Сила есть – ума не надо. Я не знаю, смеяться или плакать. На дворе не жарко. Здоровый-то он здоровый, но простуде все подвержены. Развожу костер. Пока посушили Яна, и вечерняя зорька прошла мимо, как говорится.

Ночевали мы в охотничьей избушке знакомого охотника. Избенка срублена ладно, устроились сравнительно неплохо. Утром, понимая, что толку на охоте от Яна немного, я говорю:

– Ян, дров накопи, пока мы на утреннюю зорьку ходим.

– Ладно.

Приходим через какое-то время: сидит Ян под кедром думку думает. Умаянный весь, потом извошел, с лица даже спал. Нет в его взгляде присущего ему обычного оптимизма.

– Что, – спрашиваю, – приключилось? – А самого уже проняло нехорошее предчувствие.

– Да вот, не могу никак расколоть.

– Что?

– Чурак березовый витой попался.

И вот, что мы обнаруживаем: у одного колуна топориче сломано, у другого тоже. Топор, что в лодке был, сломан. Не только топориче, но и сам топор треснул, а последний топор загнан в тот чурак березовый по самое не хочу. Не было бы других поленьев, дело другое, а так – напилено полно и сосновых сухих чураков, и березовых. Нет же, Ян выбрал единственный, тот, что не колетса, и все топоры поломал. Сила есть...

Просится на вечернюю зарю. Ладно... Чучела расставлены со вчерашнего дня. А так как ребята, зная манеры Яна, побаиваются его в соседях иметь, то беру его с собой. Он же запросто может пальнуть в сторону охотника.

Как обычно, сажусь в приготовленный уже скрадок. Говорю Яну:

– Сделай себе скрадок в том березовом кусту, а то сидишь на чистом. Так и сам не поохотишься, и на меня утка не пойдет.

– Щас сделаю.

Сломал несколько веток для блезиру, воткнул перед собой.

– Набросай сухой травы, тебя же, такого тюленя, за десять верст видать.

Притрусил маленько. Сел близко к кусту и ружье положил на ветки. Я посматриваю на него, особенно, когда утки налетают: не пальнул бы по мне – у него ума хватит.

И тут я чуть в озеро не свалился: утка летит, Ян ведет за ней ружьем, упирается в березину и обходит ее, поднимая стволы вверх, упирается в другую и также обносит стволы, и в третью – так же. Конечно же, утка благополучно улетает, а дробь, пущенная из Яновой двустволки, остается далеко позади.

Потом уже за ужином у костра спрашиваю его:

– Отчего же ты все время мазал? Может, упреждение не брал?

– Брал.

– Сколько брал? Может недостаточно?

– Да нет, нормально брал... сантиметра... три.

Мы все захохотали.

– Нет, сантиметров пять, – поправился он.